

Научная статья
УДК 81'27
DOI: 10.14529/ling240402

ЯЗЫК ВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН (НА МАТЕРИАЛЕ ОППОЗИЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКИХ СМИ)

Е.В. Тишина¹, *lena-tishina@yandex.ru*

М.В. Калинина², *kalinina_8181@mail.ru*

¹ *Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия*

² *Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Волгоград, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются оппозиционные российские СМИ («Новая газета», «Настоящее время»). Результаты проведенного анализа позволили выявить различные лингвистические приемы и средства, используемые данными СМИ в качестве инструмента манипуляции массовым сознанием: манипулятивные заголовки, оценочные эпитеты, номинации с отрицательной коннотацией, политические ярлыки, стилистические тропы и фигуры, вопросно-ответные конструкции, риторические вопросы, а также такое графическое средство, как кавычки. Сделан вывод о том, что изучение языкового аспекта информационно-психологической войны актуально и значимо с точки зрения безопасности российского социума и государства, ведь знание механизмов манипулятивного воздействия в условиях его постоянно усиливающейся агрессивности необходимо для противостояния в психологической и информационной войне.

Ключевые слова: лингвистика информационной войны, средства массовой информации, манипулятивное воздействие

Для цитирования: Тишина Е.В., Калинина М.В. Язык ведения современных информационно-психологических войн (на материале оппозиционных изданий российских СМИ) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 4. С. 11–17. DOI: 10.14529/ling240402

Original article
DOI: 10.14529/ling240402

LANGUAGE OF MODERN INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE (BASED ON THE OPPOSITION PUBLICATIONS OF RUSSIAN MEDIA)

E.V. Tishina¹, *lena-tishina@yandex.ru*

M.V. Kalinina², *kalinina_8181@mail.ru*

¹ *Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia*

² *Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russia*

Abstract. The article examines the opposition Russian media (Novaya Gazeta, Nastoyashchee Vremya). The analysis identifies various linguistic techniques and means used by these media as a tool for manipulating mass consciousness, including manipulative headlines, evaluative epithets, nominations with negative evaluative connotations, political labels, stylistic tropes and figures, question-and-answer constructions and rhetorical questions, and the use of quotation marks. The study concludes that exploring the linguistic aspects of information and psychological warfare is both relevant and significant for the security of Russian society and the state, because understanding the mechanisms of manipulative influence in an increasingly aggressive environment is essential to counter psychological and information warfare.

Keywords: linguistics of information warfare, mass media language, manipulative effect

For citation: Tishina E.V., Kalinina M.V. Language of modern information and psychological warfare (based on the opposition publications of Russian media). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2024;21(4):11–17. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling240402

Язык подвержен идеологическому влиянию, он является мощным и главным оружием политического давления и информационной борьбы за власть. Субъектами информационно-психологической войны (далее ИПВ) выступают как государства, имеющие конфликт интересов и намеренно пытающиеся оказать воздействие на сознание противника (Россия и Европа, Россия и Украина), так и политические акторы, владеющие собственными СМИ или ресурсами для их подкупа [7]. К сожалению, у читателей оппозиционных СМИ возникает ошибочное представление о том, что «эти каналы никому не принадлежат и транслируют более правдивую информацию, нежели традиционные медиа. Но практика свидетельствует, что это далеко не всегда так: у любого подобного источника информации есть не только владелец (которым может быть как физическое, так и юридическое лицо), но и свои интересы, формат, спонсоры, рекламодатели, политика передачи новостей и взгляд на мир» [3, с. 312].

Осознавая опасность информационной войны, российское руководство приняло Доктрину информационной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 64622), в которой говорится, что «наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этой связи одной из стратегических целей обеспечения информационной безопасности названа «нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества» [10, с. 307].

Целью данной статьи становится анализ языковых приемов и средств ведения внутрироссийской информационно-психологической войны и обоснование актуальности их детального изучения для укрепления информационной безопасности России.

Материалом послужили выпуски оппозиционных российских изданий «Новой газеты» (далее НГ) и газеты «Настоящее Время» (далее НВ) (анализу были подвергнуты заметки и статьи из этих СМИ, публикуемые в телеграмм-канале за период с ноября 2023 г. по март 2024 г.).

Исследуемые издания работают по правилам ведения военной пропаганды: максимально простой язык, резкая критика противника, непримиримое отстаивание «своих». Официально издания позиционируют себя как независимые СМИ, делающие честную журналистику, но при этом редакции обеих газет уделяют большее внимание именно запугивающим темам, шок-контенту (убийствам, взрывам, расправам, смертям, арестам), дискредитации российской власти (судей, чиновников, правительства), российских законов и органов государственного управления.

В работе применялись следующие методы: метод сбора и обобщения информации; метод контекстного анализа для выявления особенностей реализации манипулятивных стратегий; описательный метод, главной задачей которого является комментирование тех высказываний, которые содержат агрессивную тональность в отношении того или иного объекта речи.

Теоретической основой работы стали отечественные исследования в области лингвистики ИПВ [2, 5, 6, 8, 11]. В них говорится о том, что современные СМИ с помощью различных языковых и медийных средств, используемых в рамках информационной войны, создают демонический образ России. В центре этой борьбы оказываются слова и устойчивые словосочетания, выражающие такие национальные концепты (*Отечество, Русская земля, Родная земля, Русский мир, русские, русский народ, русский вопрос, государство, Победа, семья, народ, национальная идея, православие, Русская Православная церковь, русский язык, патриотизм* и некоторые другие), без которых невозможно представить полноценного существования ни отдельной личности, ни народа в целом. При этом информационная война всегда идет под лозунгом восстановления справедливости, хотя бы со стороны одного из участников.

Переходя к основной части исследования, отметим, что ИПВ определяется нами как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством защиты от такого воздействия» [9, с. 13].

Деструктивными ценностями, которые насаждаются обществу через оппозиционные СМИ, является обесценивание достижений страны (их отрицание, осмеяние, постановка под сомнение их наличия); романтизация криминального образа жизни; распространение ложной информации различного типа (о безвредности вейпов, сносов, безопасности абортов и др.); формирование склонности к азартным играм и т. д. [6, с. 899].

Объектом ИПВ оказывается сознание значительной части аудитории, интересующейся вопросами политики и читающей интернет-газеты, новостные сайты оппозиционных изданий. Главной мишенью ИПВ выступают политические действия России. Основная цель ИПВ – сформировать у читателей образ России как угрозы на пути мирового сообщества.

Согласимся с мнением Е.А. Агаповой, говорящей о том, что «СМИ становятся некими информационными фильтрами, которые посредством выбора сообщений и их, в соответствии с интересами владельцев СМИ, трактовки, а также посредниками в формировании отношения общества к реальному миру, создают свои сконструированные

и, в ряде случаев, искаженные образы реальности» [1, с. 7]. Поэтому «в современных условиях чрезвычайно важно решить стратегический вопрос выработки интеллектуального щита, одним из составляющих которого является грамотно продуманный язык сопротивления» [12, с. 39].

Предпринятый в данной статье лингвостилистический анализ поможет нам выявить основные лингвистические приемы ведения современной ИПВ.

Следует отметить, что одним из приемов войны становится прием «создания такого необычного, сенсационного заголовка, который будет способен повлиять на читателя, возбудить интерес» [13, с. 78]. В качестве элементов для привлечения внимания аудитории в заголовках оппозиционных СМИ часто используются высказывания, обращенные к чувствам читателей (как правило, заголовки подразумевают критику действий современных российских властей): *Как малыши, отправленные в детдома при живых родителях, помогают российским властям строить крепкое общество*: Никулинский районный суд Москвы вынес невероятные, запредельные сроки врачам-репродуктологам и суррогатным мамам, работавшим в программе суррогатного материнства (НГ, 4.11.2023); *Путин «оговорился», и слава богу*: больше трех лет потребовалось, чтобы отменить комиссии при оплате жилищно-коммунальных услуг. Ее отменили, но не для всех (НГ, 20.12.2023); *«Она совершила самое страшное – победила на выборах»*: путь томского политика Ксении Фадеевой от народной избранницы до политзключенной – в декабре ее приговорили к 9 годам колонии (НГ, 1.02.2024) и т. д.

Мишенью ИПВ в рассматриваемых публикациях служат действия России, что проявляется в использовании целого ряда политических ярлыков: *российская агрессия, оккупированный Крым, оккупированный Россией Мариуполь, аннексированный Россией Севастополь, вторжение России в Украину, колониальная политика Москвы по отношению к национальным республикам, зубодробительная риторика из Кремля, репрессивная машина* и др. Негативно-маркированная лексика со значением ‘нападения, агрессии’ отражает намерение демонизировать Россию в текущих политических и военных реалиях.

Другим объектом критики оппозиционных СМИ является В. Путин, представители правящей власти, чиновники и поддерживающие современную власть СМИ: *путинские псевдовыборы, кремлевский шеф, кремлевские пигмеи, чадолюбивые чиновники, прокремлевские издания, турбопатриотические телеграмм-каналы* и др. Критика высказываний Путина и его окружения становится главной темой статьи *«Историческая арифметика. Путин повторил цифры дважды, и ему никто не сказал, что наша история гораздо длиннее, чем кажется президенту»*: Странное чувство овладе-

вает порой, когда *решаешься преодолеть равнодушие и вслушаться в слова президента*, вдуматься в их смысл. Ведь кто-то ж их писал, кто-то редактировал, согласовывал; вероятно, *не один день работал высокооплачиваемый и глубоко проверенный коллектив; да и сам президент (как рассказывают) внимательно вычитывает и правит подготовленный текст*.

Перечитайте: «в истории нашей страны, и на всех ее переломных этапах всегда единство народа было ключевой составляющей». *Слушатели в Общественной палате, которых долго проверяли и рассаживали, могут, конечно, кивать в знак согласия, одобрения или, что простительно, просто засыпая; но мы-то не спим*, мы вслушиваемся и – недоумеваем.

Возможно, перед встречей эти статисты проходят не только карантин от ковида, но и *отключение той части мозга, которая отвечает за критическое мышление* (статья Александра Минкина, НГ, 4.11.2023).

Для формирования общественного мнения автор этой публикации использует снижение образа В. Путина и чиновников госаппарата. Первым называется имя российского лидера, соответственно, оно стоит в самой сильной позиции, поэтому все гневные реакции читателей будут направлены именно на того человека, в лице которого власть представлена. Журналист увеличивает дистанцию между властью и народом (*мы-то не спим, мы вслушиваемся и – недоумеваем*). Стратегия дискредитации действующей власти реализуется с помощью речевых средств манипуляции, к которым относятся саркастические высказывания (*Путин повторил цифры дважды; сам президент (как рассказывают) внимательно вычитывает и правит подготовленный текст; эти статисты проходят не только карантин от ковида, но и отключение той части мозга, которая отвечает за критическое мышление*).

Средством ИПВ становится стремление западных изданий разделить русский народ на своих и чужих: *Те, кто получает драконовские сроки за оппозиционные акции или «несогласные» высказывания, – «чужие», ведь они выступают против политического курса власти и должны быть наказаны без малейшего снисхождения. А те, кто не выступает против власти, а лишь доводит до логического развятия (пусть и незаконными методами) властные же пропагандистские установки, видя себя проводниками «государственного курса» и охранителями «традиционных ценностей», – «свои», заслуживающие «понимания» и «прощения»* (статья Бориса Вишневецкого «Избирательная справедливость и «звероподобные труссы»: Как смотрится снисхождение к погромщикам на фоне «ингушского дела», в котором не было ни насилия, ни ущерба, ни ненависти» (о погроме в дагестанском аэропорту), (НГ, 4.11.2023).

Это же разделение населения России становится и темой публикации Леонида Никитинского «Указ о беглых крепостных: как сконструирован только что принятый закон о конфискации собственности граждан РФ, которых Дума считает недостаточными патриотами»: *Большинство граждан РФ, если не все, – крепостные. Соответственно те, кто, используя конституционное право свободы передвижения, после 24 февраля 2022 года уехал за рубеж, – это «беглые»* (НГ, 2.02.2024). Ирония, категоричность суждений, оценочные единицы, которые не должны по определению присутствовать в новостных сообщениях, способствуют реализации стратегии демонизации России. В результате конструируется выгодная автору картина тоталитарной жизни в России, куда вернулось крепостное право.

Журналисты оппозиционных СМИ очень часто прибегают к использованию приема иронии, скрыто выражая при этом свое негативное отношение к описываемым событиям и явлениям окружающей действительности в виде насмешки, пренебрежения, враждебности: *Явление Такера Карлсона российскому народу – сюжет, конечно, восхитительный. Борис Джонсон согласился наконец поговорить с ним об Украине. Правда, не безвозмездно, а за один миллион долларов. А вот за интервью с Путиным, напомнил Такер, у него денег не просили. «Останкино» аплодирует стоя. Симоньян и Кеосаян снова прослезилась от гордости за державу* (НГ, 23.02.24)

Отдельная тема статей оппозиционных СМИ – это критика событий, происходящих в стране. Так, в последнем абзаце статьи Ирины Гумановой «Как живет российский город, где хоронили детей после ракетной атаки. Репортаж из приграничного Белгорода» содержится наибольший манипулятивный потенциал: *Разбитые машины оплачены, деньги за погибших получены. Бедствие позади. Может быть, в Белгород президент Путин какую-нибудь рынду привезет лично. Утром 15 января в торговых центрах открылись пункты сбора подписей за его выдвижение на новый срок. На одном из них юноша сообщил мне, что за день к нему подошли пять человек. Некоторые подписались* (НГ, 26.01.2024). Данная часть текста пронизана сарказмом. Журналист как бы подает объективную информацию, цитирует источник, но на самом деле автор лишь прячется за словами неизвестного юноши, ведь невозможно определить, был ли такой человек и комментировал ли он что-то. Примечательно, что заканчивается новость тактикой низвержения президента, за которого подписалось всего 5 человек, чем журналист цинично акцентируют падение среди россиян популярности В. Путина. Или другой пример, в котором снова звучит ирония по поводу осквернения символа воинской славы: *На Алтае возбудили дело за снежную фигуру в виде фаллоса, которую слепили школьники рядом с мемориалом. Следова-*

тели заметили в снежном фаллосе «осквернение символов воинской славы» (статья Андрея Карева «Суды завалены бредом», 19.02.2024).

Целые информационно-психологические войны разворачиваются и вокруг статей федеральных законов: *Сейчас же речь о государстве, дающем установки на жестокость, культивирующем худшие черты, что, похоже, происходит уже на конвейере, автоматически* (статья Алексея Тарасова о законе, разрешающем эвтаназию дворняг на Чукотке, 20.02.2024). В этом плане интересна и публикация Леонида Никитинского «Ограбление мыслепреступников: о законопроекте «о конфискации имущества непатриотично настроенных граждан»: Вместе с главой Госдумы Володиным проект внесли также главы основных парламентских фракций и комитетов, а в приложении на 19 листах собраны автографы всех депутатов, которые были с ним ознакомлены. Все это высокое собрание вместе с немалым техническим аппаратом то ли *просмотрело лишнюю запятую, то ли пропустило слово «создание» перед «группой», то ли у них там вообще что-то не так с головой.*

Техническая ошибка, конечно, может быть исправлена во втором чтении. Но она не просто выдает низкий уровень работы его инициаторов над репрессивным законодательством, а в некотором роде программирует такую же практику «судов и правоохранительных органов» по принципу «*Был бы человек, а статья найдется*» (НГ, 26.01.2024). Автор данного текста придерживается стратегии дискредитации, реализует ее с помощью тактик персонификации. Он выбирает лексемы, подчеркивающие дистанцию между властью и народом, использует саркастические выражения и активный залог, подчеркивая ответственность президента РФ. Примечательно, что заканчивается новость тактикой низвержения – крылатой фразой, приписываемой Л. Берии: «*Был бы человек, а статья найдется*».

Тема уголовных дел является одной из актуальных в современной НГ. Отметим, что в статье «Мушкетеры в розыске» Владимира Мозгового передается пренебрежительное отношение власти к недавним героям спорта: «*Это сейчас Сергей и Виолетта Бида – фигуранты уголовного дела, а два года назад они, равно как и Константин Лоханов, который еще просто «предатель», были героями спорта, элитой фехтовальной сборной России.* Нынче их иначе как «сбежавшими спортсменами» не называют, хотя никто из них не сбежал, улетали они за океан не тайком, следы не заматали и чем собираются заниматься, тоже не скрывали.

О том, насколько «предателям» придется в Америке плохо, в России высказались многие медийные лица. *Это тренд понятный.* Но исходя из истории страны, в том числе относительно недавней, понятия «герои» и «предатели» меняются местами, случается, при жизни одного поколения. Об этом тоже не лишне помнить» (НГ, 26.01.2024).

Дискредитация как одна из тактик ведения ИПВ возможна через снижение образа при помощи создания иронического контекста, в который погружается объект дискредитации, например: *После небольшого замешательства хорошо знающая нам по первому процессу над Орловым Наталья Крюкова заняла-таки место за трибуной. Представилась культурологом. Подтвердила, что у нее диплом математика, а диссертация – по педагогике. Напомним, Крюкова – автор лингвистической экспертизы!* (статья Татьяны Брицкой «Против действующей власти», НГ, 21.02.2024).

Саркастической тональностью характеризуется также фрагмент статьи Ирины Петровской «*Мы голодные, псоголовые... Мы идем*»: Новая культурная элита угрожает старой чистилищем»: *Своим прорывом в «старый мир» этот певец метлы, топора и кувалды, автор неофициального гимна ЧВК «Вагнер» и непримиримый борец с «петушиным движем» гордится. Признается, «как сложно было пробить этот недокупол» и вколотит хотя бы пару приличных песен в эфир* (о появлении Акима Апачева в составе участников в «Новогоднюю ночь», НГ, 18.02.2024). Автор использует оскорбления (*этот певец метлы, топора и кувалды*), просторечную лексику (*вколотит*), жаргонизмы (*петушинный движ*), применяет манипулятивные стратегии, ставя фразы с более высоким эмотивным компонентом в конец статьи, что не может оставить читателя равнодушным и спокойным.

Очень часто информация манипулятивного характера вводится имплицитно, ведь информация, поданная скрыто, не осознается адресатом, он не может ее критически осмыслить. Используются языковые средства, в результате которых создается эффект доверительного общения автора с аудиторией. Для этого журналисты прибегают к обращениям, идентифицирующим адресанта с адресатом, вопросно-ответным конструкциям и риторическим вопросам: *Правозащитника Олега Орлова вчера Минюст признал иноагентом – как раз накануне очередного суда над ним. Связаны ли эти два события? Безусловно. Следствию, которое уже второй раз испытывает большие трудности с доказательствами, просто подарили мотив* (НГ, 3.02.2024).

Одной из мишеней в современной ИПВ является даже Русская православная церковь: *Навеки связав себя со СВО, РПЦ стала слишком токсичной* даже для самых лояльных своих частей на постсоветском пространстве (статья Александра Солдатова «РПЦ переводят на удаленку», НГ, 26.01.2024); *Святых выносите! Как земные владыки заявляют претензии на управление Небом*: в политическое противостояние втягивают святых (Александр Солдатов, НГ, 6.02.2024): в этой статье автор говорит о том, что «образ легендарного князя XIII в. (Александра Невского) органично встроен в идеологическую матрицу СВО». Журналист на-

рушает категорию вежливости, обращается к иронии и сарказму для создания нужного ему подтекста.

Или еще одна статья о РПЦ: *Только что опубликован «Наказ» Всемирного русского народного собора, в котором жизнь вместо высшей ценности превращена в инструмент служения государству и «русскому миру». В стремлении лишить человека самостоятельности и достоинства религия подменяется оккультным суррогатом* (НГ, 31.03.2024).

На наш взгляд, анализ языкового материала на предмет выявления в нем признаков ИПВ весьма перспективен, поскольку позволяет не только обозначить цели и мишени ИПВ, но и рассмотреть конкретные речевые приемы ведения лингвистических войн.

Признаками ярко выраженного агрессивного информационно-психологического воздействия становится появление в СМИ новых сочетаний слов и новых значений слов. Так, в последнее время журналистами стали активно использоваться новые термины (*Z-патриот, Z-депутат, Z-блогер, Z-культура, Z-пространство, вагнеризация, пропагандист*), с отрицательной коннотацией употребляемые прозападными СМИ; эмоционально-оценочные эпитеты (*военные фейки, забурные провокаторы, лояльные персонажи, пенсионеры «русской весны», параноидальное состояние власти, черные списки, кровавая система диктатуры*), словесные ярлыки (*биомусор, рука Москвы, схватка с Кремлем*), инвективы (*борцунны, протестуны, стыдуны*), стилистические фигуры и тропы, способствующие усилению экспрессивности высказывания (*зверские пытки в российском плену, расширение списка «нехороших» писателей*), приемы эвфемизации, используемые не для смягчения оценки, а для сокрытия правды, дезориентации и дезинформации (вместо *война* – все чаще используют словосочетания *вооруженный конфликт, военная операция, специальная акция; гость из Минска – Лукашенко, господин бесогон – Михалков* и др.), а манипуляция массовым сознанием признается главным элементом психологического воздействия.

Стоит обратить внимание на частое использование оппозиционными СМИ кавычек, с помощью которых выражаются дополнительные смыслы, ведь слово, взятое в кавычки, выделяется и получает особенно сильное эмоциональное наполнение. Журналисты чаще всего при помощи кавычек выражают свою «иронию и/или сомнение в истинности того, что обозначено словом или словосочетанием, заключенным в кавычки» [11, с. 170]: *В России решили отбирать имущество у тех, кто осмеливается говорить правду о войне. Госдума приняла закон о так называемых «фейках об армии»* (НВ, 31.01.2024); *Крым накачивают деньгами на «патриотизм»* (НВ, 26.01.2024); *Почему у властей не получается с «русским миром»? (НГ,*

7.02.2024); «Новая газета» представляет портрет человека, который придумал закон о конфискации имущества у «врагов народа» (НГ, 8.02.2024) и др. В последнем примере нас привлекло словосочетание *враг народа*, которое наряду с «госизменниками», «шпионами», «иноагентами» стало сейчас пропагандистским клише, обозначающим противников спецоперации. Автор статьи, используя кавычки, выступает против расширения «перечня категорий современных „врагов народа“».

К сожалению, приходится отмечать усиление в текстах данных СМИ проявлений речевой агрессии и лингвистического экстремизма, что приводит к нарушениям информационной безопасности прежде всего в лингвистическом аспекте. Как видно из примеров, авторы НГ и НВ обращаются к широкому спектру прагмалингвистических средств для выражения неприязненного, враждебного отношения к тому, о чем они пишут, используя при этом эвфемизмы, ярлыки, риторические вопросы, восклицания, уничижительную лексику и т. д., забывая при этом, что «экспрес-

сивные слова и выражения препятствуют объективному восприятию информации, а выбор словесных ярлыков чаще всего зависит от идеологической позиции издания, поскольку с их помощью создается собирательный образ врага. СМИ продвигают не только истероидность, но и маниакально-фобические настроения, наносящие ущерб психическому здоровью телезрителей и читателей газет» [4, с. 7].

Публичное разоблачение лексических манипуляций, формирующих отрицательный образ России, может стать эффективным средством защиты массового политического сознания от ИПВ. Лингвистическая разработка информационно-психологической безопасности – важный этап в развитии лингвистики противодействия, решение этих вопросов в дискуссионном научном поле не только внесет вклад в развитие теории лингвистики ИПВ, но также позволит разработать лингвистические основы противодействия манипуляции, что поможет расширить перечень способов речевой защиты от негативного информационного воздействия.

Список литературы

1. Агапова Е.А. О роли СМИ в манипуляции общественным сознанием // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 2–7.
2. Балдицын П.В. Информационная война против России в The New York Times в 2023 году: лингвистический анализ // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. 8(4). С. 32–39.
3. Балчугов А.В. Фейк-ньюз и их участие в манипуляции сознанием // Трансформация медиасреды в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 310–317.
4. Карасик В.И. Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 3. С. 1–22.
5. Копнина Г.А. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 170–181.
6. Копнина Г.А. Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2023. 16 (6). С. 895–910.
7. Кинаш Ю.С. Роль СМИ и «Новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4.
8. Кушнерук С.Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая лингвистика. 2019. № 6. С. 12–22.
9. Лингвистика информационно-психологической войны: моногр. Кн. 1. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
10. Палажченко М.Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 298–309.
11. Сковородников А.П. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этикопрагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 160–172.
12. Сковородников А.П. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 31–40.
13. Якунин С.А. Лингвистические средства ведения информационной войны // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 77–82.

References

1. Agapova E.A. [On the Role of the Media in the Manipulation of Public Consciousness]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and Social Sciences]. 2017. No 5. P. 2–7. (in Russ.)

2. Baldicyн P.V. [The Information War against Russia in The New York Times in 2023: a Linguistic Analysis]. *Kommunikacii. Media. Dizajn*, 2023 [Communications. Media. Design]. No. 8(4). P. 32–39.
3. Balchugov A.V., Lobastov A.N., Pahomova E.A., Fomenkov A.A. [Fake-news and their Involvement in Mind Manipulation]. *Transformaciya mediasredy v XXI veke Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Transformation of the media environment in the 21st century. Materials of the international scientific and practical conference]. 2019. P. 310–317. (in Russ.)
4. Karasik V.I., Slyshkin G.G. [Media Discourse as a Stimulant of Hysteroid and Phobic Behavior]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [The world of Linguistics and communication: an electronic scientific journal]. 2023. No. 3. P. 1–22. (in Russ.)
5. Kopnina G.A., Skovorodnikov A.P. [Media Discourse as a Stimulant of Hysteroid and Phobic Behavior]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [The world of Linguistics and communication: an electronic scientific journal]. 2017. No. 1. P. 170–181. (in Russ.)
6. Kopnina G.A., Eremina E.V. [Vectors of the Development of Information Warfare Linguistics]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]. 2023. No. 16(6). P. 895–910. (in Russ.)
7. Kinash Yu.S. [The Role of Media and “new media” in the Contemporary Political Conflicts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)]. 2017. No. 4. (in Russ.)
8. Kushneruk S.L. [Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics]. *Politicheskaya lingvistika* [In Political Linguistics]. 2019, no. 6, pp. 12–22. (in Russ.)
9. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny* [Linguistics of Information and Psychological Warfare]. Kn. 1. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2017. 340 p.
10. Palazhchenko M.Yu. [Creating Euphemisms for Military-Political Lexemes as Means of Informational Warfare]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [Public Administration. E-journal]. 2017, no. 61, pp. 298–309. (in Russ.)
11. Skovorodnikov A.P., Korol'kova, E.A. [Lexico-Phraseological Neologisms in the Russian Language and Speech as a Consequence of Information-Psychological Warfare: Functional-Pragmatic Aspect]. *Politicheskaya lingvistika* [In Political Linguistics]. 2015, no. 3, pp. 160–172. (in Russ.)
12. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. [Lexico-Phraseological Neologisms in the Russian Language and Speech as a Consequence of Information-Psychological Warfare: Functional-Pragmatic Aspect]. *Politicheskaya lingvistika* [In Political Linguistics]. 2022, no. 4 (94), pp. 31–40.
13. Yakunin S.A. [Linguistic Means of Conducting Information War]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2019, no. 3 (75), pp. 77–82.

Информация об авторах

Тишина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия; lena-tishina@yandex.ru

Калинина Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Волгоград, Россия; kalinina_8181@mail.ru

Information about authors

Elena V. Tishina, Candidate in Philology, assistant professor, Chair of Philology, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia; lena-tishina@yandex.ru

Margarita V. Kalinina, Candidate in Philology, assistant professor, Chair of Humanities, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russia; kalinina_8181@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2024.

The article was submitted 01.04.2024.